

ІСТОРИОГРАФІЯ, ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО ТА СПЕЦІАЛЬНІ ІСТОРИЧНІ ДИСЦИПЛІНИ

УДК [930.2 : 572] : 94 (=161) «07/10»

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ СЕВЕРЯН

Максим Кириченко

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
Украина, 61000, г. Харьков, площадь Свободы, 4
e-mail: m.i.kiritchenko@karazin.ua
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2682-0691>

У статті розглядається взаємовплив антропологічних та історичних досліджень в історіографії історії східних слов'ян і, зокрема, сіверян. Проаналізовано накопичення антропологічних досліджень остеологічних матеріалів, які вважались на певних етапах сіверянськими. Показаний розвиток уявлень про місце сіверян у масиві антропологічних артефактів Подніпров'я. Встановлено наявність певної залежності підходів до антропологічних досліджень, а, в результаті, і тих висновків, до яких приходили їх автори, від провідної в історіографії позиції щодо територіальних кордонів східнослов'янських племен.

Ключові слова: історіографія, антропологія, східні слов'яни, сіверяни

Днепровские северяне оставили по себе немного остеологического материала, что связано с характером их погребального обряда, основу которого на протяжении длительного времени составляло трупосоужение. Наши представления об антропологическом облике северян почерпнуты из артефактов того небольшого отрезка времени, когда северяне уже начали адаптироваться к христианским традициям и перешли к трупоположению своих усопших соплеменников, но еще не смешались с другими племенами Руси и не образовали новую этническую идентичность – население Северной земли. Однако даже этот немногочисленный материал неоднократно перегруппировывался и «перекраивался» в процессе его изучения под влиянием тех представлений, которые царили в историографии истории восточнославянских племен. В связи с этим есть необходимость рассмотреть процесс развития представлений об антропологическом облике северян в историографии.

Начало накопления остеологических данных восточных славян, а в их числе и северян, относится к 70-80 гг. XIX в. Тогда же были проведены первые антропологические исследования. В частности, анализом антропологиче-

ской информации черниговских курганов, которые тогда еще воспринимались как северянские, занимался основатель восточноевропейской антропологии А.П. Богданов [4, с. 350-361]. Славянским признаком он считал брахицефалию и на основании этого причислил северян, с характерной для них долихоцефалией, к неславянскому населению [5, с. 360-361; 6, с. 182-190]. В 30-х гг. XX в. к проблеме антропологии кривичей, вятичей и северян обратился советский антрополог В.В. Бунак, впервые указавший на возможную неоднородность расового состава восточных славян, а также на роль восточно-средиземноморских элементов в сложении их антропологического типа. При совокупив к краниологическим сведениям Днепровского Левобережья, собранным А.П. Богдановым, отдельные черепа из могильников бассейна Нижней Десны, В.В. Бунак выделил из славянского массива отдельную «северянскую» группу, состоявший из 41 черепа [26, с. 273-310; 25, с. 441-503]. В 30-40-х гг. XX в. исследованиями в области антропологии славян Беларуси и Украины занимался Г.Ф. Дебец [9]. На основе новых и накопленных предшественниками краниологических материалов, он впервые установил различия в ши-

рине лица и степени массивности черепа средневекового славянского населения территории Украины. Все краниологические материалы курганов Днепровского Левобережья были отнесены им в северянскую группу.

В 1946 г. был опубликован труд Т.А. Трофимовой [23, с. 91-136], оказавший значительное влияние на дальнейшее развитие антропологических исследований восточных славян [2, с. 3-4]. Основываясь на мнении Б.А. Рыбакова о границах северян (в то время его новые взгляды были озвучены им в докладе 1943 г.), Т.А. Трофимова отделила курганные черепа Чернигова и Переяславля от северян, и отнесла их к отдельным группам полян (поляне черниговские и переяславские), сократив таким образом северянскую серию на половину и увеличив полянскую в несколько раз [См. об этом: 1, с. 94; 2, с. 60]. В краниологических материалах Днепровского Левобережья она выделила два доминантных морфотипа, распространение которых, впрочем, не совпало с выбранным делением территории Левобережья на племена: к долихокранному узколицему европеоидному типу были отнесены группы северян, вятичей, кривичей и полян переяславских, а к мезодолихокранному узколицему морфотипу – полян черниговских. Среди северян она выделила Любенскую, Липлявскую, Суджанскую и Обоянскую группы, а также высказала мнение о морфологическом своеобразии северян Обоянской группы по сравнению с Суджанской.

В третьей четверти XX в. новые методы к изучению краниологических материалов, значительно пополненных в результате многочисленных раскопок на славянских памятниках, применили Т.И. Алексеева и В.П. Алексеев [3, с. 248-255; 2; 1]. Вслед за Т.А. Трофимовой они отнесли черепа из курганов черниговской и переяславской групп к полянам, опираясь на мнение Б.А. Рыбакова о полянской принадлежности этих городов [2, с. 31, 56; 1, с. 189-190]. Если еще в труде В.П. Алексеева (1969 г.) материалы Шестовицкого могильника рассматривались как северянские (хотя и с указанием на наличие мнения о их неславянской принадлежности), то в труде Т.И. Алексеевой (1973 г.) этот памятник рассматривался уже как германский [1, с. 194; 2, с. 267].

Главными задачами, которые поставил перед собой В.П. Алексеев, были поиски генетических связей между средневековым и современным населением Восточной Европы, а также отличий восточнославянской ветви от других славянских ветвей и германцев. В свя-

зи с этим, тема истории северян была затронута им косвенно и не глубоко. Некоторый интерес представляют для нас выводы этого исследователя о ведущей роли древлян в формировании антропологического типа украинского народа [1, с. 194-195], что может указывать на потерю генетической связи между населением современного и средневекового Днепровского Левобережья.

В базу исследования Т.И. Алексеевой вошло 1506 славянских черепов, дополненных ранее опубликованными данными о материалах из утраченных во время Второй мировой войны коллекций [2, с. 20]. Отличительной от предшествующих исследований чертой являлось введение в базу большого числа материалов, почерпнутых из сельских могильников, что было связано с открытиями археологами множества неукрепленных поселений во второй половине XX в. В группу северянских материалов вошло 54 черепа (22 мужских и 32 женских) [2, с. 30]. В результате сравнения черепов полян и северян, Т.И. Алексеева пришла к выводу, что их краниологические характеристики «в значительной мере» совпадают, но северяне отличаются выраженной долихокранией (преобладанием продольного диаметра черепа над поперечным) и более узким, по сравнению с полянами, лицом [2, с. 60]. Внутри «полянской» группы исследовательница выделила некоторые отличия киевских полян от черниговских и переяславских – поляне правобережья Днепра имели более широкие лица, чем поляне левобережья [2, с. 59-60]. Исследовательница также обратила внимание на схожесть северянской антропологической комбинации с раннеславянским длинноголовым и узколицым типом черепа, выделенным В.В. Седовым для территории раннеславянских городищ второй половины I тысячелетия до н. э. и первых столетий н. э. в бассейне верхнего течения Днепра [22, с. 12-14].

В 60-80-е гг. XX в. антропологическими изысканиями средневекового Поднепровья занимались В.Д. Дяченко и П.М. Покас [11; 10, с. 151-167; 12, с. 4-26; 16, с. 94-98; 17, с. 118]. В частности, ими изучались материалы 35 погребений, открытых О.В. Сухобоковым во время раскопок могильника у с. Каменное на Среднем Псле. Исследователи сделали вывод о близости этих материалов к тем группам, которые в антропологической литературе представлены как «северянская» и «южные поляне Левобережья» [13, с. 320]. Отдельно изучались П.М. Покасом скелеты из курганных (XI-XII вв.) и грунтовых (XII-XIII вв.) могильников, откры-

тых около с. Зеленый Гай (р. Псел, Сумская область). По его мнению, население, которому принадлежали указанные могильники, были морфологически близки к «северянской» серии. Сходство материалов двух могильников позволило П.М. Покасу сделать вывод о том, что изменение обряда захоронения не было связано со сменой населения [16, с. 94-98]. Еще одно исследование того же автора коснулось Среднего Подесенья. Материалы этого региона П.М. Покас разделил на три группы по принадлежности к городскому (2 могильника) и сельскому (8 могильников) населению, а также к дружинной прослойке (4 могильника). Анализ материалов показал: неоднородность городского материала и сравнительную однородность сельского; некоторые отличия между группами городского и сельского населения (последняя «более длиннолового, узкого и высоколицца, горизонтальная профилировка на черепках более резкая» [17, с. 123]), что антрополог связал с неоднородностью горожан; черепа мужчин дружинных могильников типологически близки к городским, а женские – к женским сельским [17, с. 122-126].

В 80-х гг. XX в. антропологией средневековых восточных славян занимался литовский исследователь Г.А. Чеснис. Результаты проведенного им анализа показали сходство населения восточнославянских территорий. Однако в отдельные кластеры им были выделены: северяне и радимичи; поляне; словене новгородские. Кластер северян и радимичей оказался, по его мнению, близким к могильникам балто-славянского пограничья [25, с. 47-58].

В 90-х гг. антрополог А.А. Мовсеян, сравнивая среднеднепровские материалы с общими восточнославянскими, отметила родство всех славянских групп, но, в то же время, указала на некоторую статистическую отдаленность от общего восточнославянского массива северян, радимичей и дреговичей [15, с. 31-46].

Одонтологические материалы из Среднего Поднепровья попадали в круг интересов латышской исследовательницы Р.У. Гравере [7, с. 205-219; 8, с. 80-94]. Как и в случае с краниологическими данными, одонтологический материал средневековых восточных славян оказался неоднородным как в целом, так и в пределах отдельных племен. Северяне в ее анализе были представлены материалами из могильника около с. Липового, а черниговские одонтологические данные, наряду с киевскими, рассмотрены в рамках полянской группы. Несмотря на наличие определенных сходств (среднеевропейский одонтологический тип,

схожий с материалами могильника Груцзно в Польше), Р.У. Гравере отмечает наличие «сравнительно четких различий» между данными полян и северян. В частности, отличительной чертой северян с Липового является повышенный удельный вес восточных признаков, что позволило выделить особый степной вариант среднеевропейского одонтологического типа. Наличие восточных влияний Р.У. Гравере объяснила последствиями контактов северян с представителями салтово-маяцкой культуры, поскольку в материалах с. Липового «почти полностью» представлен салтово-маяцкий одонтологический комплекс. Схожий одонтологический компонент наблюдается и в «полянском» материале могильника с. Казаровичи (Правобережное Поднепровье), что могло быть следствием переселения сюда части северян или подчиненных Хазарскому каганату племен, память о которых отразилась в названии населенного пункта. Ссылаясь на мнение В.В. Седова о сложении северян в результате взаимодействия славян роменской культуры с местным субстратом, Р.У. Гравере пришла к выводу, что этим субстратом, обусловившим формирование степного варианта среднеевропейского одонтологического типа у северян, были кочевые племена салтово-маяцкой культуры [8, с. 207, 210, 211].

С середины первого десятилетия XXI в. антропологическими исследованиями Среднего Поднепровья начала заниматься Т.А. Рудич [19, с. 420-424; 20, с. 52-54; 18, с. 96-103; 21]. Базу ее исследования составили двадцать пять краниологических серий правобережья и левобережья Среднего Поднепровья. В группу долихокраничных среднеличьих форм (характерный для территорий северян, радимичей, дреговичей и смоленских кривичей) было отнесено 11 серий, 9 из которых происходят с левого берега Днепра. Проанализированные Т.А. Рудич антропологические материалы из раскопок древнерусского грунтового могильника (втор. пол. XI – начало XIII в.) на окраине Переяслав-Хмельницкого (раскопки 2004-2007 гг.), показали большее сходство с сериями северян, а также с другими сериями «полян переяславских», чем с сериями правобережных славян. Необходимо отметить, что проанализированные Т.А. Рудич антропологические материалы из раскопок на ул. Паторжинского, 14 (Киев), также дали результат, близкий к северянским, что исследовательница объяснила компактным проживанием в Киеве (прихожане одной церкви) выходцев из северянских земель. Общие резуль-

таты исследования еще раз подтвердили выдвигавшиеся ранее мнения о разнообразии антропологических морфотипов в Среднем Поднепровье и отсутствии антропологической унификации населения Руси. Это касалось и переселенцев, которые предпочитали селиться компактно, не смешиваясь с местными жителями (или же старались хоронить своих усопших на одном кладбище) [21, с. 77-144, 219-221].

Таким образом, в антропологических исследованиях северян наблюдается ряд проблем. Главная из них – малочисленность материала периода ингумации, и его полного отсутствия для периода трупосожжения [17, с. 126; 21, с. 219 и др.]. Скупость антропологического материала ограничивает возможности его полноценного анализа и зачастую приводит антропологов к взаимоисключающим результатам. К примеру, Г.А. Чеснис находил сходство северян с балтами [25, с. 47-58], а Р.У. Гравере с кочевыми племенами Хазарского каганата [8, с. 207, 210, 211]. Другой, не менее важной, проблемой является элемент предвзятости в антропологических исследованиях, поскольку в большинстве из них анализируемый материал классифицировался по принадлежности территории, на которой он был найден, к летописным племенам, в соответствии с теми их границами и хронологией, которые на момент проведения антропологического анализа были общеприняты в историографии, несмотря на высокую степень условности и динамичности этих характеристик. Это приводило к тому, что одни и те же материалы рассматривались в разные периоды, как принадлежавшие к разным этническим группам. К тому же, условность датировки многих могильников привела к тому, что артефакты рассматривались как принадлежащие к определенным племенам, несмотря на то, что в то время эти племена уже могли не существовать. Так, еще В.Д. Дяченко и П.М. Покас обратили внимание, что краниологическую группу, которая во многих антропологических исследованиях фигурировала как «северянская», правильнее называть «потомками северян», а не северянами [13, с. 320]. Группы черниговских и переяславских антропологических материалов рассматривались сначала как северянские, однако, с изменением в историографии представлений о территории северян, начали рассматриваться как полянские. В этом отношении интересны наблюдения А.К. Зайцева, который, проанализировав накопленные антропологами и археологами знания, пришел к

выводу, что западная территория северян рано вошла в состав Руси и приняла «полянский» этнографический облик [14, с. 66], что могло бы объяснить полянский облик культуры западной территории северян, но при этом антропологическую близость ее населения к северянскому морфотипу.

В соответствии с вышесказанным, можно заключить, что во взаимодействии антропологии с историографией истории северян последняя в большей степени оказала влияние на ход развития первой, поскольку антропологи зачастую начинали свои исследования с предварительного определения групп и границ своего материала в соответствии с главенствующей на данный момент точкой зрения в историографии. Непредвзятый подход, основанный исключительно на материале и его географической, а не племенной принадлежности, на наш взгляд, мог бы привести к более точным результатам антропологических исследований, способным влиять на представления об истории северян, а не отталкиваться от них. Согласно с развивающимся в актуальной историографии подходом исторической деконструкции [28], накопленные антропологические данные требуют новой ревизии и анализа, освобожденного от авторской интенциональности и зависимости от гипотез, сформировавшихся в других дисциплинах. Такой подход позволил бы постепенно наращивать и углублять информацию об антропологическом облике восточных славян, путем формирования прочной основы данных, способных меняться посредством развития новых методов антропологических исследований, а не изменчивых парадигм историографии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). Москва: Наука, 1969. 324 с.
2. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. Москва: Изд-во Московского университета, 1973. 330 с.
3. Алексеева Т.И. Сравнительная краниологическая характеристика славянских групп средневековья на территории, населенной русскими // Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. Москва: Наука, 1965. С. 248-255.
4. Богданов А.П. Курганные жители Северянской земли в Черниговской губернии. (Доклад 31 июля 1879 г.) // Известия любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 25. Ч. 1. 1879. С. 350-361.
5. Богданов А.П. Курганные жители Северянской земли по раскопкам в Черниговской губернии // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Антропологическая выставка. 1879. № 3. С. 360-361.
6. Богданов А.П. Курганные черепа области древних северян. Суджанское длинноголовое население по р. Пслу // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Антропологическая выставка. 1878. № 2. С. 182-190.

7. Гравере Р.У. Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов // Восточные славяне. Антропология и этническая история. Москва: Научный мир, 1999. С. 205-219.
8. Гравере Р.У. Одонтология восточнославянских народов // Восточные славяне. Антропология и этническая история. Москва: Научный мир, 1999. С. 80-94.
9. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. 389 с.
10. Дяченко В.Д. Антропологічний склад населення Києва і його околиці у середньовіччя (XI-XIII ст.) // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984-1989 рр. Київ, 1993. С. 151-167.
11. Дяченко В.Д. Антропологічний склад українського народу. Київ: Наук. думка, 1965. 129 с.
12. Дяченко В.Д., Покас П.М., Сухобоков О.В. Древнерусское население Левобережной Украины (по материалам могильника у с. Каменное) // Антропологические данные о составе древнего населения на территории Украины. Київ: Наук. думка, 1984. С. 4-26.
13. Дяченко В.Д., Покас П.М. Антропологические материалы из могильника у с. Каменное // Сухобоков О.В. «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X-XIII вв. (по материалам роменско-древнерусского комплекса в с. Каменное). Київ: Видавець Олег Філюк, 2016. С. 311-334.
14. Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. Москва: Наука, 1975. С. 57-117.
15. Мовсесян А.А. К вопросу о генетических предпосылках формирования древнерусской народности // Вопросы антропологии. 1990. № 84. С. 31-46.
16. Покас П.М. До антропології середньовічного населення басейну р. Псел // Археологія. 1987. № 58. С. 94-98.
17. Покас П.М. Средневековое население среднего Подесенья по данным антропологии // Чернигов и его округа в IX-XIII вв. Киев: Наук. думка, 1988. С. 118-127.
18. Рудич Т.О. До питання про антропологічний склад населення Лівобережної України давньоруської доби (за матеріалами з могильника на околиці Переяслава-Хмельницького) // Наук. зап. з укр. історії. Переяслав-Хмельницький, 2008. Вип. 20. С. 96-103.
19. Рудич Т.О. Антропологічні матеріали з розкопок могильника давньоруської доби по вул. К. Паторжинського, 14 // АБУ 2003-2004 рр. Київ, 2005. С. 420-424.
20. Рудич Т.О. Антропологічні матеріали з розкопок могильника на околиці м. Переяслава-Хмельницького // АДУ 2005-2007 рр. Київ, 2007. Вип. 9. С. 52-54.
21. Рудич Т.О. Населення Середнього Подніпров'я I-II тисячоліття за матеріалами антропології / Інститут археології НАН України. Київ, 2014. 298 с.
22. Седов В.В. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья // Советская этнография. 1954. № 3. С. 12-18.
23. Трофимова Т.А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 1. С. 91-136.
24. Трофимова Т.А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 1. С. 91-136.
25. Чеснис Г.А. Фенетические взаимоотношения средневековых восточных славян по дискретным признакам черепа // Вопросы антропологии. 1990. № 84. С. 47-58.
26. Bunak V. Neues Material zur Aussonderung Anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. 1932. Bd. 30. H. 3. P. 441-503.
27. Bunak V. The Craniological Types of the East Slavic Kurgans // Anthropologie. T. 10. Praha, 1932. P. 273-310.
28. Munslow A. Deconstructing history. 2nd ed. New York, NY: Routledge, 2006. 248 p.

Kyrychenko Maksym

Anthropological Studies in the History of the Severians Historiography

The paper deals with the mutual influence of anthropological and historical studies in the historiography of the history of the East Slavs and, in particular, the Severians. The accumulation of anthropological studies of osteological artifacts, which at certain stages considered to belong to the Severians, is analyzed. The development of the ideas about the place of the Severians in the array of anthropological materials of the middle Dnieper Ukraine is analyzed. A certain dependence of approaches to anthropological research, and as a result of those conclusions to which their authors came, on the position prevailing in historiography concerning the territorial boundaries of the East Slavic tribes was established.

The main problems of anthropological research of the Severians are: small number of osteological material; relativity of some burial grounds dating; the systematization of accumulated material about ethnic groups in accordance with the linkage of the place where the material was found to the territory of the chronicle tribes approved in historical works. The latter led to the fact that the same materials were considered in different periods, as belonging to different tribes. Thus, groups of Chernihiv and Pereiaslav anthropological materials were first considered as the Severians, however, after the change in the historiography of conception about the territory of the Severians, they began to be regarded as belonging to Polans.

The conditional character of burial grounds dating led to the fact that some materials were considered as belonging to certain East Slavic tribes, despite the fact that at that time those tribes could no longer exist.

The literature on the history of the Severians to a greater extent influenced the conclusions of anthropologists, since they often began their studies with a preliminary definition of the groups and boundaries of their material in accordance with the point of view prevailing in historiography about the territorial boundaries of the tribes.

Keywords: historiography, anthropology, East Slavs, the Severians